

УДК 316.7

Проблема справедливости и ее отражение в карачаево-балкарском фольклоре депортационного периода (1944-1957)

Аккиева Светлана Исмаиловна

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований,
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук,
360002, Российская Федерация, Нальчик, ул. Балкарова, 2;
e-mail: siak2000@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, No 17-01-00432-ОГН «Проблемы доверия и справедливости в традиционной культуре балкарцев».

Аннотация

В данной статье на анализе фольклорных материалов периода депортации разносторонне исследуются сложные проблемы бытия репрессированного балкарского народа, его специфическое отношение к добру и злу, причины стойкости и надежды на то, что настанет день, когда победит справедливость. Депортационный фольклор – это личный опыт каждого человека, насильно переселенного далеко от родных гор Кавказа. В результате анализа автор делает вывод, что вера в Бога, труд и терпение стали основными факторами преодоления всех невзгод. Всем депортированным с Кавказа народам: карачаевцам, балкарцам, чеченцам, ингушам, туркам-месхетинцам и крымским татарам адаптироваться в Средней Азии было немного легче из-за общей религии – ислама. Но наибольшую роль в этом сыграло трудолюбие и миролюбие депортированных народов. Для балкарского народа наибольшую роль сыграло их трудолюбие, вера в победу справедливости, терпение. Такие характерные психологические черты, как благожелательность и умение отдаваться работе, поддержали балкарцев в трудные времена. Непреложная вера в справедливость и торжество истины придала сил, помогла дожидаться главной награды – возвращения на родину.

Для цитирования в научных исследованиях

Аккиева С.И. Проблема справедливости и ее отражение в карачаево-балкарском фольклоре депортационного периода (1944-1957) // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 6А. С. 185-193.

Ключевые слова

Депортация, вера, стойкость, справедливость, балкарский народ, фольклор.

Введение

Устному народному творчеству отведено особенное место в культуре любого народа. Оно в полной мере отражает национальный менталитет и художественный вкус, манеру восприятия мира и места человека в нем, специфическую систему обычаев и верований. Его эстетическое, когнитивное, а также идейно-воспитательное значение огромно. Поэты и прозаики всего мира учатся у фольклора – так было и будет за все время существования литературы. Исследователи, возвышающие и популяризирующие народный творческий опыт, отмечают: «лучшие образы индивидуального творчества дают нам великолепно ограниченные драгоценности, но эти драгоценности были созданы коллективною силою народных масс» [Аникин, Круглов, 1983, 4] и приводят в пример Дон Жуана, Гамлета, Отелло» [там же].

Фольклор балкарского народа формировался на протяжении многих веков и примечателен богатым арсеналом художественных средств, жанров, сюжетов. Это пословицы и поговорки, сказания и легенды, обряды и сказки, героические, лирические и исторические песни. Видное место занимает выселенческое народное творчество, возникшее и укоренившееся в период депортации, когда балкарцы проявляли невероятную моральную стойкость перед лицом страшных мук, вызванных политическими и духовно-психологическими репрессиями. В конце XIX – начале XX вв. в карачаево-балкарской фольклористике образовалась отдельная исследовательская школа, основанная братьями Сафарали и Наурузом Урусбиевыми, М. Абаевым, И. Хубиевым (И. Карачайлы), Б. Шахановым и другими. Славное начинание этих просветителей продолжили А. Холаев, А. Караева, Р. Ортабаева, Н. Кагиева, Ф. Урусбиева, Т. Хаджиева, Х. Малкондуев, М. Джуртубаев, М. Каракетов, проделавшие колоссальную работу по классифицированию и изучению народного творчества. Их многочисленные письменные труды детально продуманы, содержат разносторонние оценки и меткие наблюдения, способные простимулировать и усилить читательский интерес к карачаево-балкарскому фольклору.

Основная часть

Депортационный фольклор в течение долгого времени не изучался исследователями и не печатался ни на страницах газет и журналов, переселенческие песни не пели на радио и телевидении, в основном люди слушали о жизни в депортации в своей семье и это была история каждого человека, каждой семьи. Долгие годы переселенческий фольклор не выходил за рамки конкретных семей и не привлекал внимание исследователей. Причина такого «культурологического нигилизма» объяснялась тем, что тема депортации была запретной, эту проблему не поднимали, не обсуждали и не изучали. Подробности национального горя не освещались средствами массовой информации, крайне скупое упоминание в учебниках истории. Писатели были вынуждены говорить о животрепещущих проблемах метафорическим языком и тщательно маскировать этот факт в своих произведениях.

Народ же слагал о своей боли и тревоги песни, стихи – нетленный и идущий с глубоких веков слово народа – его фольклор. «Был я только молчалив, в те дни, когда другие были немые» [Кулиев, Т. 2, 164] – этими словами Кайсын Кулиев указывает на общепринятую недозволенность открытого обсуждения депортации и моральной подавленности народа, законодательно ограниченного в своем праве самовыражения. Как демонстрирует драматическая практика насильственного переселения, можно в прямом, и переносном смысле лишить языка конкретных авторов и исполнителей, однако задушить народное творчество никому никогда не удавалось. Кайсын Кулиев, выдающийся, храбрый и рассудительный

художник, патриот, своим афоризмом о народной немоте, говорил о том, что не обо всем он как поэт мог говорить, но народ творил и изливал свою боль и горечь в незамысловатых текстах, живого источника национальной словесности.

А. Гутов, литературовед и исследователь фольклора, подмечает, что «репертуар певца корректируется общественными потребностями и «спросом» аудитории» [Гутов, 1993, 26]. Балкарцы испытывали острую нужду в устно-поэтическом переосмыслении произошедшей беды, эта необходимость сформировалась уже в первые дни депортации, под перестук колес и покачивание вагонов. Творческое наследие тех времен передает не только сухие факты, но и бесчисленное множество нюансов, отражающих атмосферу событий, тонко подмеченных тысячами простых людей. Этот бесценный материал открывает не меньше возможностей для изучения событий того времени, чем академичные труды историков и обществоведов, более того, оно дает материал исследователям для более глубокого понимания трагедии народа и его духа. На протяжении долгих лет депортационный фольклор передавался из уст в уста, сохраняя психологический портрет народа и стройность хронологических данных. Мало кто из творцов записывал свои тексты, но они передавались из уст в уста, в них каждый добавлял свое слово, свои мысли и делал их поистине народными творениями.

Только в конце 1980-х годов эти народные творения стали собирать и записывать. На радио, телевидение стали приглашать тех, кто знал и мог рассказать песни и стихи военного и депортационного времени. Зрители, читатели и слушатели познакомились с пронзительной национальной лирикой; узнали, что их переселенные соотечественники не смирились со своим трагическим положением, а напротив, бережно хранят веру в добро и справедливость.

Стоит отметить, что за последние годы народное внимание к фольклору сильно возросло, появилось много желающих собирать и систематизировать исторический материал в научных либо творческих целях. За последние три десятилетия опубликованы антологии с документальными рассказами и десятками песен, созданных в период нахождения карачаево-балкарцев в Киргизии и Казахстане. В их числе:

«Бушуу китаб» (Книга Скорби) и «Когда сердце горит от печали» Байрамуковой Ф. [Байрамукова, 1991, 1997, 2008];

«Зорлукъ» (Реквием) от группы авторов [Эфендиев, Ахматов, Гузеев, 1996];

«Кечгюнчюле эгермеси» (Словесные памятники выселения) [Хаджиева, 1997];

«Шагъатлыкъ этеме» (Свидетели живые) [Берберов, 2011].

Создатель последнего из упомянутых здесь сборников, А. Бегиев, в предисловии подчеркивает, что авторы написали свои стихи не из стремления стать поэтами, а лишь для выражения сильнейших эмоций, душевной боли, требующей выхода; что благодаря этим стихам сами авторы сумели сохранить в своих сердцах веру и надежду [Бегиев, 2004, 5]. Исследователь Б. Берберов долгие годы разрабатывает болезненную тему выселения и делает это наиболее плодотворно [Берберов, 2011].

В самые тяжелые времена, в условиях спецкомендатур, находясь в неведении о судьбе родных и близких, терпя голод, холод и унижения, люди сочиняют вдохновенные строки:

Елюмден сора ахшысы жокъду,
Елюмге боюн салайыкъ...
Энди Кавказны керлюк болмабыз,
Тансыкъ тюшледе кермесек
[Хаджиева, 1997, 20].

Из хорошего осталась только смерть,
Давайте же смиримся с этой долей.
И если разлучились мы с Кавказом навсегда –
Отправимся туда в счастливых снах.

Люди держались стойко, под гнетом бед и проблем их дух оставался несломленным. Они грезили о родине наяву и во сне, верили, что рано или поздно справедливость восторжествует, и их мечта о возвращении домой сбудется. В тяжелые годы люди поддерживали друг друга и не разрешали себе опускать руки и терять надежду. Потому и появились такие строчки:

Жарлы халкъым къатдыр энди белинги
Жоюулдум деп такъыр этме келюнгю
[там же, 18].

Народ, перевяжи покрепче пояс¹,
Не унывай и знай: надежда есть.

Балкарцам свойственно расценивать труд, как главный критерий ценности человека, фундамент бытия, поэтому прославление труда – главная черта их жизнеспособности. С первых дней войны и в годы депортации балкарские женщины, подростки и старики трудились, не покладая рук. В годы войны они трудились, чтобы отцы, сыновья, мужа вернулись быстрее с победой домой, чтобы закончилась война. В годы депортации они трудились, чтобы выжить, а также трудились, чтобы показать, что народ, который так любит труд и так работает, не мог быть предателем. Их воля к жизни, сила, усердие и добрый нрав способствовали тому, что казахи, киргизы, русские и другие народы, среди которых оказались депортированные балкарцы, изменили к ним отношение. И если в первые месяцы к ним относились настороженно, а иногда и враждебно, позже они вызвали симпатию коренных жителей, а также местных властей. В большом количестве докладных записок упоминалось, что переселенцы хорошо справляются с заданиями и даже перевыполняют план, от работы не уклоняются, приносят реальную пользу, являют собой пример самоотверженности и честности [Аккиева, Мокаева, Теммиев, 2010, 472].

В 1944 г. в Казахстане поэт Кязим Мечиев написал стихотворение «Многострадальный мой народ», в котором есть следующие строки:

Свой народ молю – с бедою споря,
Жить работой, уважая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.

Еще один стихотворец Саид Шахмурзаев в 1945 г. в произведении «Помоги своей стране» призвал соотечественников быть достойными гражданами великой страны, не забывать о трудолюбии и взаимовыручке. В сложившейся ситуации нужно было поддержать и правильно сориентировать народ [Берберов, 2011].

¹ У карачаевцев и балкарцев – белинни каты кыс (перетяни пояс) означает не сдавайся, будь стойким

Труд поддерживал балкарцев в тяжелые годы, снимал клеймо предателей, которое его тяготило, помогал преодолеть невзгоды и трудности, давал надежду и уверенность, что справедливость восторжествует. Потому были написаны такие слова:

Тюнгюлюп эсем да- умутлума,
жашауда терслик курур деп,
халал кыйным тюзлюкню ачар,
кир атны халкъдан атар
[Полевые материалы автора, 2002].

Утратив веру, я храню надежду,
Что неправда будет все-таки раскрыта.
Мой честный труд проложит правде путь,
Смоет всю грязную и злую ложь с народа.

Поэтическими словами о вере народа в торжество справедливости говорит также поэт К. Отаров:

Жетер, дей, екюлюбюз -тюзлюк,
Аны, кюн тиеринча, сакълай,
Кечиндик... Бар палахха тездюк,
ексюзю, онгсузну да жокълай.

Веря в то, что наш защитник – справедливость,
Ожидая его как восхода солнца,
Жили... Беды многие терпели,
Стараясь слабым и сиротам помогать.

Пока балкарские мужчины сражались на фронте, основная тяжесть тыловых невзгод и лишений легла на женские плечи, не привыкшие к тяжелому физическому труду ввиду национальных традиций. С началом войны женщинам, составлявшим наибольшую часть от взрослых тыловикиов, пришлось познать сугубо мужскую работу. Первые годы ссылки стали для них самой сложной и горькой порой. Балкарки выполняли бытовые и общественные обязанности вкупе с ролью главы семьи, и необходимостью обеспечивать пропитание. Стремясь выжить и защитить близких, женщины брались за любую работу, даже связанную с подземными горными выработками [Аккиева, Сабанчиев, 2014, 469-470].

Девушки и женщины-балкарки по две смены подряд откатывали вагонетки в шахтах, сортировали уголь. При том, что в балкарском менталитете прочно устоялся образ мужчины-добытчика, отца семейства, защитника и опоры. Ситуацию красноречиво иллюстрируют строки, написанные в первые годы после выселения:

Бу журтубуздан айырылгъанны
Эштген болурму атабыз?

О том, что с родиной расстались,
Интересно, слышал ли отец? [Хаджиева, 1997, 28]

Здесь проявляется присущая горскому менталитету вера в могущественного лидера, переплетенная с классическим пиететом перед отцом. Лирическая героиня стихотворения не сомневается: отец положит конец всем ужасам ее жизни и наградит за страдания, стоит лишь ему узнать о случившемся. Однако отголосок горделивых чаяний сменяется мрачным мотивом:

Атам – урушда, биз а – Сибирде,
Къайгъылыкъ болду башыбыз.

Отец – на фронте, мы – в Сибири,
Голова полна тяжелых дум.

Женщины-балкарки прошли через невообразимые тяготы во имя своих детей и стариков, сумев при этом сберечь семейные ценности, обусловившие физическое и моральное выживание нации, заложив крепкий фундамент для последующего реабилитационного периода. Ссылочные ограничения длились 13 лет до 1956 г., когда постановлениями Президиума Верховного Совета СССР были, наконец, сняты с балкарцев, крымских татар, карачаевцев и турков-месхетинцев. На фоне всенародного ликования родились строки:

Биз эртте окъуна къырыллыкъ эдик,
Къырал болушлукъ бермесе.
Миллетлигибиз къурурукъ эди,
Оноугъа Хрущев келмесе.
Ой, ызыбызгъа кечюп тебрэдик,
Итлени энтда улутуп.
Къайтабыз деп, къалай къууанайыкъ,
Елген жарлыланы унутуп?
Тюзлюк хорлады, кюн да тийди.

Мы бы давно погибли без помощи государства,
Исчез бы наш народ без указа Хрущева.
И вот мы возвращаемся домой,
Снова слышим плач собак, которых покидаем.
Мы счастливы вернуться,
Но грустим об умерших, которых не вернуть –
Они упокоились на чужбине.
Справедливость победила. Солнце взошло.

Заключение

Балкарцы стойко перенесли депортацию, сохранили веру в справедливость, в добро, не ожесточились, не позволили современникам и потомкам отречься от добродетели под гнетом отчаяния. Пережитые испытания сплотили их с народами, которые их приняли, помогли и обогрели в трудные годы депортации: русскими, казахами, киргизами, узбеками и другими. Общая боль объединила балкарцев с представителями других депортированных народов с

Кавказа – чеченцами, ингушами, карачаевцами (родственный с балкарцами народ) и укрепила кавказскую идентичность. Взаимопонимание с казахами, киргизами и узбеками было достигнуто благодаря сходству языка и религии, и это отмечают все балкарцы, пережившие депортацию, в отличие от чеченцев и ингушей, балкарцам, карачаевцам, туркам-месхетинцам, крымским татарам в определенной сфере было немного легче, потому что язык помог тюркоязычным народам быстрее адаптироваться среди казахов, киргизов и узбеков. Всем депортированным с Кавказа народам: карачаевцам, балкарцам, чеченцам, ингушам, туркам-месхетинцам и крымским татарам адаптироваться в Средней Азии было немного легче из-за общей религии – ислама. Но наибольшую роль в этом сыграло трудолюбие и миролюбие депортированных народов. Для балкарского народа наибольшую роль сыграло их трудолюбие, вера в победу справедливости, терпение. Такие характерные психологические черты, как благожелательность и умение отдаваться работе, поддержали балкарцев в трудные времена. Непреложная вера в справедливость и торжество истины придала сил, помогла дожидаться главной награды – возвращения на родину.

Библиография

1. Аккиева С.И., Мокаева А.А., Теммоев И.Ю. Балкарский народ в боях и в труде в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста: Джангар, 2010. Т. 1. С. 447–550.
2. Аккиева С.И., Сабанчиев Х.А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
3. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
4. Байрамукова Ф. Бушуу китаб (Книга скорби). Документальный рассказ. Черкесск, 1991. Ч. 1. 200 с.; Черкесск, 1997. Ч. 2. 160 с.
5. Байрамукова Ф. Когда сердце горит от печали. М.: Московский дом национальностей, 2008. 360 с.
6. Бегиев А. (сост.) Шагъатлыкь этеме (Свидетели живые: Песни-плачи, стихотворения, лирические песни). Нальчик: Эльбрус, 2004. 216 с.
7. Берберов Б.А. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.). Нальчик, 2011. 215 с.
8. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.
9. Джаубаев Х. (ред.) Кезлерибизден къан тама (А из наших глаз капала кровь). Народные песни-плачи. Черкесск, 1991. 64 с.
10. Кулиев К. Собрание соч. В 3-х т. М., 1976–1977. Т. 1. 557 с., Т. 2. 542 с., Т. 3. 557 с.
11. Полевые материалы автора. 2002. Тетрадь 3.
12. Хаджиева Т.М. (сост.) Кечгюнчюле эгермеси (Словесные памятники выселения). Нальчик: ЭльФа, 1997. 384 с.
13. Эфендиев С.И., Ахматов И.Х., Гузеев Ж.М. Зорлукъ (Реквием). Нальчик: Эльбрус, 1996. 384 с.

The problem of justness and its reflection in the Karachay-Balkarian folklore of the deportation period (1944–1957)

Svetlana I. Akkueva

Doctor of History,
Leading Researcher of sector of ethnology and ethnography,
Institute for Humanities Studies,
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

360002, 2, Balkarova st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: siak2000@mail.ru

Abstract

In this article, the analysis of the folklore materials of the period of deportation comprehensively explores the complex problems of being repressed by the Balkar people, its specific attitude to good and evil, the reasons for perseverance and hope that the day will come when justice will win. Deportation folklore is the personal experience of every person who has been forcibly resettled far from his native Caucasus mountains. As a result of the analysis, the author concludes that faith in God, work and patience were the main factors in overcoming all adversity. All the people deported from the Caucasus: Karachai, Balkarians, Chechens, Ingush, Meskhetian Turks and Crimean Tatars to adapt to Central Asia was a little easier because of the common religion of Islam. But the greatest role in this was played by the diligence and peacefulness of the deported peoples. For the Balkar people, their diligence, faith in the victory of justice, patience played the greatest role. Such characteristic psychological traits as benevolence and the ability to devote to work supported the Balkars in difficult times. Immutable faith in justice and the triumph of truth gave strength, helped to wait for the main award - the return to their homeland.

For citation

Akkieva S.I. (2018) Problema spravedlivosti i ee otrazhenie v karachaevo-balkarskom fol'klоре deportatsionnogo perioda (1944-1957) [The problem of justness and its reflection in the Karachay-Balkarian folklore of the deportation period (1944-1957)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (6A), pp. 185-193.

Keywords

Deportation, faith, resilience, justness, Balkarian people, folklore.

References

1. Akkieva S.I., Mokaeva A.A., Temmoev I.Yu. (2010) Balkarskii narod v boyakh i v trude v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. [Balkar people in battles and labor during the Great Patriotic War of 1941–1945]. In: *Vklad repressirovannykh narodov SSSR v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg.* [The contribution of the repressed peoples of the USSR to the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945]. Elista: Dzhangar. Vol. 1.
2. Akkieva S.I., Sabanchiev Kh.A. (2014) *Balkarskii narod v gody voyny i deportatsii (1941-1957 gg.)* [Balkar people during the years of war and deportation (1941-1957)]. Nalchik: El'brus Publ.
3. Anikin V.P., Kruglov Yu.G. (1983) *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian folk poetry]. Leningrad: Prosveshchenie Publ.
4. Bairamukova F. (1991, 1997) *Bushuu kitab (Kniga skorbi). Dokumental'nyi rasskaz* [Bushuu Kitab (Book of Grief). Documentary story]. Cherkessk. Parts 1-2.
5. Bairamukova F. (2008) *Kogda serdtse gorit ot pechali* [When the heart burns with sadness]. Moscow: Moskovskii dom natsional'nostei Publ.
6. Begiev A. (sost.) (2004) *Shag"atlyk" eteme (Svideteli zhivye: Pesni-plachi, stikhotvoreniya, liricheskie pesni)* [Shagatlyk to etem (Witnesses are alive: Songs of lamentation, poems, lyric songs)]. Nalchik: El'brus Publ.
7. Berberov B.A. (2011) *Tema narodnoi tragedii i vozrozhdeniya v karachaevo-balkarskoi poezii (na materiale ustnoi i pis'mennoi slovesnosti 1943-2000 gg.)* [The theme of folk tragedy and revival in Karachay-Balkarian poetry (on the material of oral and written literature 1943-2000)]. Nalchik.
8. Dzhaubaev Kh. (ed.) (1991) *Kezleribizden k"an tama (A iz nashikh glaz kapala krov'). Narodnye pesni-plachi* [Kezleribizden kan tama (And blood was dripping from our eyes). Folk songs – crying]. Cherkessk.
9. Efendiev S.I., Akhmatov I.Kh., Guzeev Zh.M. (1996) *Zorluk" (Rekviem)* [Zorluk (Requiem)]. Nalchik: El'brus Publ.
10. Gutov A.M. (1993) *Poetika i tipologiya adygsckogo nartskogo eposa* [Poetics and typology of the Adyge Nart epic]. Moscow: Nauka Publ.

-
11. Khadzhieva T.M. (comp.) (1997) *Kechgyunchyule esgermesi (Slovesnye pamyatniki vyseleniya)* [Kechgünchühle esgermesi (Verbal monuments of eviction)]. Nalchik: El'Fa Publ.
 12. Kuliev K. (1976-1977) *Sobranie soch. V 3-kh t.* [Collection op. In 3 vols.]. Moscow. Vols. 1-3.
 13. (2002) *Polevye materialy avtora. Tetrad' 3* [Field materials of the author. Book 3].